УДК 821.161.1.09”1917/1991”

К.С. Калинина

Черты модернизма в романе И.А. Новикова «Золотые кресты»

В статье анализируется роман И.А. Новикова «Золотые кресты» в контексте модернистских тенденций начала XX века. В произведении находят отражение богоборческие настроения, характерные для времени его создания. Автор статьи выявляет модернистские черты в романе и приходит к выводу, что они обогатили художественную систему писателя.

Ключевые слова: модернизм; декадентство; религиозный ренессанс; лейтмотив.

Основными «константными» признаками модернистского восприятия мира по Д.В. Затонскому являются противоречивость, кризисность, безысходность, бесцельность, крик «израненной, кровоточащей души»: «…Специфическое модернистское — это именно отчаяние. А отчаяние всегда чревато капитуляцией перед злом» [4: с. 167]. Наряду с этим исследователи модернистского романа подчёркивают, что его задача — «дать представление об универсальных началах бытия (Добре — Зле, Боге — Дьяволе, Любви — Смерти и т. д.)» [5: с. 5]. М.М. Голубков обращает внимание на изменяющиеся «грамматические нормы», соответствующие новому — модернистскому — художественному языку [3: с. 70–71]:

1) на смену сюжетности пришли лейтмотивность, художественный принцип «рифмовки» образов;

2) вместо единой точки зрения — множественность повествовательных позиций;

3) миметическая концепция искусства явно утрачивала свою универсальность: художественный мир обретал статус второй, подлинной, реальности, эмансипировался от действительности, претендовал на самоценность;

4) социальная конкретика художественного содержания классического реализма уступала место обращению к универсальным, бытийным, онтологическим проблемам;

5) изменилась общелитературная концепция личности: «социальный человек» реализма уступал место человеку, укоренённому не в современности, но в вечности;

6) граница между поэзией и прозой размывалась и становилась всё менее заметной; принципы поэтического языка распространились на прозаическую речь, породив феномен орнаментального стиля;

7) обращение к мифу становилось универсальным способом художественной типизации; феномен неомифологизма.

«Нарушение границ привычного, типичное для переходных эпох, во многом связано со стихией творчества, которое не случайно называют “переходом за грани мира” (фразеологизм Бердяева)» [7: с. 76], поэтому закономерно, что модернистские искания отличают развитие русской прозы начала XX века. Не избежал влияния модернизма и И.А. Новиков, автор романов «Из жизни духа» (1906) и «Золотые кресты» (1908). Второй роман был переиздан в 1916 году, а затем только в 2004-м. В предисловии к первому изданию И.А. Новиков писал: «Роман “Золотые кресты” является первым звеном задуманной трилогии. Каждая часть её будет представлять в то же время и самостоятельное целое. Стихии христианства и язычества, преломленные в современности, и новая жизнь, которая ждет своего срока, чтобы подняться из хаоса новым еще небывалым цветком — вот три темы, которые положены в основу трилогии» [1: с. 5] (вторая и третья её части — «Безбожная башня» и «Остров» — не были изданы).

Роман «Золотые кресты» начинается с развёрнутой экспозиции, представляющей собой описание Золотой Царевны Осени, играющей одну из важных ролей в произведении: «осенняя грусть о хрупкости жизни и веры», «скорбь о жестокости земных путей» [2: с. 17] ощущаются на протяжении всего романа. Осень символизирует последний этап былого, она предопределяет изменение жизни, угасание нравственных ценностей: «Непосредственное религиозное сознание было уже подточено и заметно слабо. Оно уже не имело сил сопротивляться злым сомнениям и бескрылым порывам неверия. Оскудевшее сознание каждую минуту могло рухнуть совсем, но еще теплилась жизнь трепещущей лампадкой, еще веял дух в замирающих формах религиозной жизни. Это была наша осень» [6: с. 62]. В то же время в образе Осени, которая является одним из персонажей произведения, прослеживается воздействие идей русского космизма: её царственная красота скрывает тайну бытия, она знает больше, чем человек: «Осень знала и видела все. Но она сидела спокойно — ждала, пока погаснут золотые кресты. Недолго ждала. Они скоро погасли» [2: с. 48]. Природа ассоциируется с непостижимой человеку волей.

Проблематика романа «Золотые кресты» вбирает в себя вопросы о святости и грехе, о смысле жизни, о стремлении к нравственному идеалу, о соотношении физической и духовной красоты. Писатель, как и его друг Б.К. Зайцев, «в своих произведениях стремился к воссозданию православной картины мира, рисовал подстерегающие христианина искушения, падения, искания и заблуждения» [2: с. 4]. Новозаветный строй мыслей и чувств, мессианские настроения Евангелия, надежда на богочеловеческое спасение отвечали онтологическим пристрастиям Новикова этого периода. Писатель даже посещал религиозно-философские собрания в Киеве, целью которых было пересмотреть поверхностный характер духовных ценностей, отказаться от веры, сводимой лишь к исполнению религиозных обрядов: «Богоискатели из интеллигенции жаждали преодолеть пропасть между внерелигиозной культурой, общественной жизнью и оторванным от запросов интеллигенции церковным

бытием. Они испытывали потребность в личном Боге, в свободной и одновременно религиозно насыщенной жизни. Это было время “Третьего Завета”, “третьего пути”, который слил бы воедино небо и землю, одухотворил плоть, воссоединил язычество и христианство, примирил бы личную абсолютную свободу с религиозным освобождением человечества в акте неохристианской соборности» [2: с. 15].

В романе «Золотые кресты» Новиков запечатлел «столкновение инстинкта и разума, плоти и духа, идеал святости» [2: с. 12]. Центром духовных исканий ряда героев романа становится идея Бога, к которому они стремятся приблизиться. Анна грезит о Белом Христе: «Образ Христа Анна любила всем существом непонятной, ни с чем не сравнимой любовью. Анна жила этим Образом — мечтала и думала часто о Нем, вернее, не часто, а постоянно <…> Мечта о Христе — была вся ее жизнь» [2: с. 24]. Для Глеба Христос является примером, которому следует подражать. Герой даже готов отказаться от семьи, брака, веря в идею победы над смертью через целомудрие. Глеб воспринимает земную жизнь как миг на фоне бесконечной вечности.

Содержательный пласт романа наполнен поисками Бога, размышлениями о нём, дискуссиями о вере, грехе и праведности. На вечерах в доме доктора Николая Платоновича Палицына собираются единомышленники, которых интересуют вопросы приобщения к Христу через принятие «земной Голгофы», соединения христианства и марксизма, степени свободы в христианском вероучении. В то же время герои, хотя и «заняты поисками светлого Христа, но зачастую оказываются во власти антихриста, в котором провидят Нетленный Лик» [2: с. 14–15]: сластолюбивый Верхушин, проповедуя высокие идеи, превращает имя Христа в разменную монету в политических спорах; Кривцов с именем Бога на устах готов принять любые муки во славу Господа и при этом разжигает в людях порочные наклонности и страсти.

В романе воссоздается одна из тенденций в духовной жизни России 1900–1910-х годов — критика духовенства и крушение веры в Бога. Герои-монахи в романе Новикова не способны быть образцами духовности и нравственности. Кривцов, прошедший через монашество, предпочитает проповедовать в кабаках, потому что так он хотя бы не будет лицемерить: «Не говорите мне больше о них, об отшельниках! Пусть эти носят черные, простые одежды, — лицемерием прикрывают они свои гнусности. Я был сам в монастыре — в этом… в вашем... в таком всеми чтимом, прославленном. Я был полтора года в нем — насмотрелся, наслушался... Довольно с меня! И даже научился кое-чему <…> Он ткнул пальцем в пустую бутылку» [2: с. 138]. Именно там, в обители, Кривцов пытается овладеть девочкой Наташей, за что и не может себя простить. Старик Василий, посетивший это место, заключает: «Заживо загнивающим трупом веяло здесь. Что-то давно разложилось, полусотлело, имело лишь видимый облик живого, — одна только злоба еще осталась жива. Мерзость запустения на месте святом!» [2: с. 187]. Вместо христовых заповедей один из монахов учит Василия, что «только

кровью Христовых врагов можно омыть» [2: с. 187] самые проклятые грехи. Разврат, сладострастие, пьянство, пролитие крови ради собственного спасения — вот пороки, которые в романе автор выставляет напоказ.

Противоречивость, кризисность, безысходность прочитываются в судьбах многих героев произведения. Федя, 18-летний мальчик, публично обвиняет своего брата Николая Платоновича Палицына и его товарищей по христианской вере в лицемерии. Бог в глазах Феди тиран, оправдывающий «всякую власть и любую несправедливость, совершенную сильными» [2: с. 105]. «Абсолютная правдивость» героя ставит в неловкое положение присутствующих. Это крик израненной, кровоточащей души мальчика, думающего, страдающего, ненавидящего Бога за людские страдания, но желающего «дойти до Него» [2: с. 109]. Федя становится жертвой революционных погромов: бывший товарищ и единоверец брата Игнатий отдает приказ убить мальчика, пытающегося остановить кровопролитие. Но это не единственная смерть. Словами: «Замкнут безмолвный, торжественный круг. Теперь пусть приходит судьба» [2: с. 203], — автор предваряет целую череду трагических событий. Небольшой сухонький старичок азиатского типа, под идеями богоборчества несущий новую правду о Господе и обвиняющий остальных в служении дьяволу, убивает Кривцова. То же планировала сделать и Глаша, мечтая восстановить справедливость, так как «Бог правящий, Бог, имеющий власть, выполняет другое» [2: с. 184]. После смерти Кривцова героиня добровольно уходит из жизни. Наконец, Глеб, веруя во Христа, победившего смерть, видит обречённость земли и выбирает самоубийство, склоняя к этому и свою возлюбленную Анну: «Нет, ни прогресс, ни сытость, ни демократия не спасут обреченной земли, путь один — через огонь в потусторонний, влекущий, непостижимый для смертных преображенный мир» [2: с. 225]. Судьбы этих героев, ради обретения веры кощунствующих и совершающих смертные грехи, подтверждают декадентскую природу их мировосприятия: неверие в свои силы и капитуляцию перед злом.

Модернистская модель мира реализуется в новом отношении к повествовательному времени, в отказе от эпического принципа хроникальности, от последовательного изложения событий: «Хроникальное, линейное построение сюжета модернисты стремятся полностью заменить музыкальным его построением, упорядоченным столкновением и ассоциативным развитием символических образов, описаний» [8: с. 909]. Многие главы романа «Золотые кресты» делятся на несколько разделов. Так, третья глава состоит из четырёх разделов. В первом повествуется о том, как Андрей идет бродить по городу, даётся подробная ретроспектива дня героя. Второй раздел представляет собой размышления Ставрова о жизни; здесь есть и эмоционально окрашенные описания природы, и внутренние монологи. Третий раздел по стилю напоминает стихотворение в прозе, он полон лиризма и музыкальности. Наконец, в четвёртой, заключительной, части главы содержится призыв любить, а не тратить время на мысли и слова. В этой главе проявляется характерное свойство модернистской поэтики с ослабленным сюжетостроением, ассоциативным принципом композиции, синтезом эпического и лирического начал в тексте.

Важной чертой модернистского художественного сознания является уход от позиции всеведущего повествователя, владеющего истиной: «Философское и обыденное сознание XX столетия склоняется к пониманию того, что истины в последней инстанции не существует, так же как и не может быть последнего слова об этой истине. Поэтому предметом изображения в модернистской литературе становится не столько действительность, сколько сознание, ее воспринимающее, трансформирующее или искажающее» [3: с. 72]. В романе «Золотые кресты» повествование ведётся от третьего лица, зона сознания героев воссоздается с помощью авторской речи, которая незаметно переходит в лирические отступления: «Но говорить ли еще о любви? Может быть, просто надо — любить? Кто как умеет, кто как родился — кто на всю жизнь, кто на миги, кто бестелесным и чистым цветком, кто кровавым и рдяным <...> Рождайте и рвите эти цветы, да, и рвите, ибо они и в смерти живут» [2: с. 36]. Порой сложно определить, кому принадлежат данные размышления: автору или герою.

Новиков стремится запечатлеть в романе «множественность человеческих правд» [2: с. 15], что можно проследить на реализации лейтмотива *«новая жизнь»*. Для Наташи представление о *«новой жизни»* связано с очищением от греха через прощение. Она говорит Кривцову: «И вот мы живем все вместе на острове. И нам так светло жить на нем. *Новая жизнь* (здесь и далее в цитатах курсив мой. — *К. К.*), где ничего такого не будет» [2: с. 180]. «На острове светлом, где я буду иной, какою сегодня ты видел меня, и где будешь и ты с преображенной, прощенной душой» [2: с. 198]. «Новая жизнь» приходит к холодной Надежде Сергеевне после знакомства с Глебом, в которого она влюбляется: «Душа нежданную каплю тепла развеяла по всему необъятному простору вод своих, и мелкие атомы создавали, кружась, *новую жизнь*» [2: с. 211]. Для Глеба «новая жизнь» связана с воскресением души, с «преображенным миром», путь в который лежит через страдание и смерть. Анна также верит, что вместе с Глебом они предстанут перед Белым Христом «в третьем царстве завершивших свой круг» [2: с. 203]. Глеб и Анна Ставрова — герои, укоренённые не в современности, а в вечности.

Роман «Золотые кресты» строится на противопоставлении точек зрения, позиций, убеждений героев. Друзья Глеб и Андрей оппонируют друг другу в понимании красоты: Андрея восхищают формы, Глеб признает красоту духовную, для него телесная красота — соблазн. Взгляды Анны противоположны взглядам Надежды Сергеевны: для одной идеалом является Бог — Христос, для другой — красота и свобода. Наташа и Глаша, будучи влюблены в Кривцова, проявляют себя как образы-антиподы: первая принимает решение простить возлюбленного и полностью посвятить себя ему; вторая, ненавидя и любя одновременно, мечтает «об одном: убить его и убить себя вместе с ним» [2: с. 205]. С помощью данного приёма раскрывается антитеза ценностей материального мира и мира вечности.

Стиль романа «Золотые кресты» отличается тяжеловесной сложностью, вычурностью. Через нагнетание деталей, громоздкие предложения с обилием

тропов и абстракций писатель стремится передать сложность бытия, достичь запредельных высот миропонимания.

Итак, роман «Золотые кресты» пронизан модернистскими чертами, характеризующими творческие искания писателя, чутко реагирующего на новые тенденции в искусстве Серебряного века. Роман насыщен религиозно-идеалистическими размышлениями и фаталистическими умонастроениями. Позже в силу объективных обстоятельств И.А. Новиков отойдёт от модернистских исканий, объясняя это тем, что его естественно-историческое образование помогло «перебродить» юному декадентству. Однако идеи «богоискательства» и «религиозного ренессанса», декадентские умонастроения, безусловно, обогатили творчество писателя и «не были отринуты <…> безоговорочно» [2: с. 6].

Библиографический список

Источники

1. *Новиков И.А.* Золотые кресты: роман. М.: Тип. В.А. Жданович, 1908. 304 с.
2. *Новиков И.А.* Золотые кресты: роман. Мценск: Мцен. гор. б-ка И.А. Новикова, 2004. 444 с.

Литература

3. *Голубков М.М.* Как наткнуть палец на модернизм? Эстетика модернизма в русской литературе первой половины XX века // Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности. Тамбов: ТГУ, 2009. С. 68–73.
4. *Затонский Д.В.* Что такое модернизм? // Контекст-1974. М.: Наука, 1975. С. 135–167.
5. *Ильев С.П.* Русский символистский роман: Аспекты поэтики. Киев: Лыбидь, 1991. 168 с.
6. *Флоренский П.А.* «Золото в лазури» Андрея Белого: критическая статья // Контекст-1991. М.: Наука, 1991. С. 62–67.
7. *Щирова И.А.* О «правде вымысла» // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2010. № 2 (6). С. 74–85.

Справочные и информационные издания

8. Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. / гл. ред. А.А. Сурков. М.: Сов. энциклопедия, 1962–1978. Т. 4. 1024 с.

References

Istochniki

1. *Novikov I.A.* Zoloty'e kresty': roman. M.: Tip. V.A. Zhdanovich, 1908. 304 s.
2. *Novikov I.A.* Zoloty'e kresty': roman. Mcensk: Mcen. gor. b-ka I.A. Novikova, 2004. 444 s.

Literatura

3. *Golubkov M.M.* Kak natknut' palecz na modernizm? E'stetika modernizma v russkoj literature pervoj poloviny' XX veka // Literaturovedenie na sovremennom e'tape: Teoriya. Istoriya literatury'. Tvorcheskie individualnosti. Tambov: TGU, 2009. S. 68–73.

4. *Zatonskij D.V.* Chto takoe modernizm? // Kontekst-1974. M.: Nauka, 1975. S. 135–167.
5. *Il'ev S.P.* Russkij simvolistskij roman: Aspekty' poe'tiki. Kiev: Ly'bid', 1991. 168 s.
6. *Florenskij P.A.* «Zoloto v lazuri» Andreya Belogo: kriticheskaya statya // Kontekst-1991. M.: Nauka, 1991. S. 62–67.
7. *Shhirova I.A.* O «pravde vy'my'sla» // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2010. № 2 (6). S. 74–85.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

8. Kratkaya literaturnaya e'nciklopediya: v 9 t. / gl. red. A.A. Surkov. M.: Sov. e'nciklopediya, 1962–1978. T. 4. 1024 s.

K.S. Kalinina

Modernistic Features in the Novel «The Gold Crosses» by I.A. Novikov

The paper analyzes the novel «The Gold Crosses» by I.A. Novikov in the context of modernist trends of the early XX century. This work reflects theomachistic sentiments typical of the time of its creation. The author of the paper identifies the modernistic peculiarities in the novel and concludes that they enriched the writer's artistic system.

Keywords: modernism; decadence; religious renaissance; leitmotiv.